

6. Матурана У., Варела Ф. Древо познания. М. : Прогресс-Традиция, 2001.

7. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб. : Ювента, Наука, 1999.

8. Плотникова С.Н. Я-Наблюдатель и Я-Конструктор : дискурсивный мониторинг и дискурсивное конструирование мира // Лингвистические парадигмы и лингводидактика : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 14–18 июня 2005 г. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2005. Ч. 1. С. 101–107.

9. Плотникова С.Н. Когнитивно-дискурсивная деятельность: наблюдение и конструирование // Studia Linguistica Cognitiva. Вып. 1. Язык и познание : методологические проблемы и перспективы. М. : Гнозис, 2006. С. 66–81.

10. Плотникова С.Н. Дискурсивный мониторинг мира / миров // Концепт и культура : сб. науч. ст. IV Междунар. науч. конф. Кемерово, 7–8 окт. 2010 г. Кемерово : ИИТ. С. 450–454.

11. Stubbs M. Discourse Analysis. The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. Oxford : Basil Blackwell, 1984.

12. White H. The modernist event and the flight from history // The Sheila Carmel Lectures 1988–1993 / Ed. by H. Wirth-Nesher. Tel-Aviv : Tel-Aviv University, 1995. P. 99–123.

* * *

1. Berger P., Lukman T. Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya. M. : Medium, 1995.

2. Borovikova K.V. Diskursivnyiy monitoring mira govoryaschim / pishuschim kak nablyudatelem (na materiale sportivnyih reportazhey v sovremennyih angloyazyichnyih sredstvakh massovoy informatsii) : dis. ... kand. filol. nauk. Irkutsk, 2007.

3. Vitgenshteyn L. Filosofskie issledovaniya // Yazyiki kak obraz mira. M. : AST, SPb : Terra Fantastica, 2003. S. 220–546.

4. Gegel G. Fenomenologiya duha. M. : Nauka, 2000.

5. Kuznetsova V.V. Realizatsiya printsipa korporativnosti v angliyskom gruppovom diskurse : dis. ... kand. filol. nauk. Irkutsk, 2005.

6. Maturana U., Varela F. Drevo poznaniya. M. : Progress-Traditsiya, 2001.

7. Merlo-Ponti M. Fenomenologiya vospriyatiya. SPb. : Yuventa, Nauka, 1999.

8. Plotnikova S.N. Ya-Nablyudatel i Ya-Konstruktor : diskursivnyiy monitoring i diskursivnoe konstruirovaniye mira // Lingvisticheskie paradigmy i lingvodidaktika : materialy H Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Irkutsk, 14–18 iyunya 2005 g. Irkutsk : Izd-vo VGUEP, 2005. Ch. 1. S. 101–107.

9. Plotnikova S.N. Kognitivno-diskursivnaya deyatelnost: nablyudeniye i konstruirovaniye // Studia Linguistica Cognitiva. Vyip. 1. Yazyik i poznanie : metodologicheskie problemy i perspektivy. M. : Gnozis, 2006. S. 66–81.

10. Plotnikova S.N. Diskursivnyiy monitoring mira / mirov // Kontsept i kultura : sb. nauch. st. IV Mezhdunar. nauch. konf. Keмеровo, 7–8 okt. 2010 g. Keмеровo : INT. S. 450–454.

11. Stubbs M. Discourse Analysis. The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. Oxford : Basil Blackwell, 1984.

12. White H. The modernist event and the flight from history // The Sheila Carmel Lectures 1988–1993 / Ed. by H. Wirth-Nesher. Tel-Aviv : Tel-Aviv University, 1995. P. 99–123.

Discursive construction as theoretical knowledge

There is argued that the relationships between discourse and societal structures are often indirect and highly complicated. Proceeding from this assumption there is raised the issue of discursive world construction as part of social world construction uncovering the way our everyday world and its phenomena, as well as imaginary and fictional worlds are discursive constructs.

Key words: *discursive construction, discursive monitoring, cognitive scenario.*

(Статья поступила в редакцию 20.02.2014)

Н.А. ГОРНОСТАЕВА, М.А. КУЛИНИЧ
(Самара)

ДАНЬ ПАМЯТИ КАК РЕЧЕВОЙ ЖАНР: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Как жанр танатологического дискурса, который, в свою очередь, является составляющей частью ритуального дискурса, характеризуются надгробные речи. На материале траурных речей на смерть английских и американских государственных деятелей подробно рассмотрены структурные и прагматические признаки жанра.

Ключевые слова: *надгробная речь, ритуальный дискурс, танатологический дискурс, текст.*

В рамках ритуального дискурса, описанного В.И. Карасиком и М.Г. Извековой, мы считаем возможным выделить танатологический дискурс, который содержит все элементы предложенной В.И. Карасиком схемы: ха-

рактика основных участников, хронология, цели, ценности, стратегии, жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы [2, с. 35; 3, с. 251].

Что касается жанров танатологического дискурса, то мы выделили следующие: 1) некролог, 2) письмо-соболезнование, 3) надгробную речь и 4) эпитафию. Первые два и последний из этого перечня представляют собой письменные жанры. Что касается надгробной речи (eulogy), то ее статус носит двойственный характер. Несмотря на то, что надгробная речь изначально подразумевает устное выступление, она является продуктом письменного творчества и обладает основными характеристиками написанного текста. Сама словарная дефиниция слова *eulogy* указывает на эту двойственность: *a speech or a piece of writing, poem containing great praise, esp. for someone who recently died* (речь или письменное произведение, написанное в честь недавно умершего).

Ученые отмечают, что разделение письменных и устных жанров представляет определенную сложность. Среди типичных представленных в письменном виде текстов можно отметить научные статьи, рецепты, выпуски новостей и т.д. Однако вышеперечисленные тексты могут быть предъявлены и в виде устных выступлений. Научная статья зачитывается вслух на конференции, тексты выпусков новостей заранее рассчитаны на их устное представление на телевидении, рецепты могут быть продиктованы по телефону [8, с. 62].

Объектом данной статьи являются надгробные речи, произнесенные на смерть известных людей и опубликованные в печати. Мы рассмотрим те структурные и прагматические признаки надгробных речей, которые относят их к письменному жанру. Материалом статьи послужили речь брата принцессы Дианы Чарльза Спенсера, речь Маргарет Тэтчер на смерть Рональда Рейгана, речь президента Барака Обамы на смерть Эдварда Кеннеди и речь Уинстона Черчилля на смерть Франклина Делано Рузвельта. Мы вкладываем в понятие «текст» содержание, предложенное И.Р. Гальпериным, чье определение на сегодняшний день является наиболее цитируемым. Согласно ему, «текст является произведением речетворческого процесса, обладающим завершенностью, объективированным в виде письменного документа, литературно обработанным в соответствии с типом этого документа, произведением, состоящим из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической,

грамматической, логической, стилистической связи» [1, с. 18]. Из этого определения следует, что под текстом необходимо понимать не фиксированную на бумаге устную речь, всегда спонтанную, неорганизованную, непоследовательную, а особую разновидность речетворчества, имеющую свои параметры, отличные от параметров устной речи. Все характеристики устной речи противопоставлены характеристикам текста. Текст – не спонтанная речь, он лишь имплицитно рассчитан на слуховое восприятие; он не только линейен, он не только движение, процесс – он также стабилен.

Мы считаем, что надгробная речь – это изначально письменный текст, коммуникативная интенция которого реализуется путем его устного произнесения на похоронах. Надгробной речью может считаться также хвалебная речь на смерть человека (eulogy), но место ее произнесения не ограничено церковью или кладбищем. Например, за смертью главы государства могут последовать выступления с соболезнованиями глав других государств, переданные по телевидению. Эти устные выступления по своей структуре и содержанию могут считаться надгробными речами. Единственным нарушенным условием является место произнесения – не на месте непосредственного прощания с покойным.

Из предложенных И.Р. Гальпериным в качестве текстообразующих категорий для нас особо релевантны выделенные: 1) *информативность*; 2) *когезия (внутритекстовые связи)*; 3) *континуум*; 4) *автосемантия отрезков текста*; 5) *ретроспекция* и *проспекция*; 6) *модальность*; 7) *интеграция и завершенность текста* (курсив наш. – Н.Г., М.К.) [1, с. 5].

Еще одной немаловажной категорией текста является категория межтекстовых связей, или интертекстуальности, объединяющая множество разнообразных внетекстовых заимствований – цитат, аллюзий, литературных реплик, текстовых реминисценций, слов с особыми коннотациями и др. Основным условием реализации механизма интертекстуальности является предполагаемая общеизвестность источника, его общекультурная и национально-культурная значимость.

Как утверждала А.С. Штерн, основным фактором, определяющим статус текста как такового, является не характер структуры текста и даже не его размеры, а соотносительность с ситуацией, конкретной или абстрактной, которая является непременным условием цельности текста [6, с. 12–13]. Некоторые лингвисты

рассматривают цельность как комплексное явление, результат действия нетекстовых параметров. Цельность – это продукт коммуникативной деятельности в конкретной среде.

Итак, цельность текста выражается в его соотносительности с ситуацией и реализуется путем взаимодействия с реципиентом. Ситуация, в которой происходит взаимодействие текста надгробной речи и реципиента, другими словами, реализация текста надгробной речи – прощание и похороны умершего. Таким образом, если в качестве примера мы возьмем надгробную речь, произнесенную президентом США Бараком Обамой на смерть Эдварда Кеннеди, то в ней обнаружим ответы на все вопросы: кто воспринимает текст – приглашенные на похороны (Mrs. Kennedy, Kara, Edward, Patrick, Curran, Caroline, members of the Kennedy family, distinguished guests, and fellow citizens...), где – церковь или кладбище, когда – перед похоронами или на похоронах, зачем – прощание с покойным, утешение близких (*Today we say goodbye to the youngest child of Rose and Joseph Kennedy*). Реципиентам известно заранее, о чем будет речь, т.к. она является частью ритуала.

На похоронах принцессы Дианы надгробную речь произносил ее брат Чарльз Спенсер. Его речь имела четкую структуру:

– вступление: *I stand before you today the representative of a family in grief, in a country in mourning before a world in shock. We are all united not only in our desire to pay our respects to Diana but rather in our need to do so...*;

– основная часть, в которой названы основные события из биографии покойной и перечислены ее достоинства: *Diana was the very essence of compassion, of duty, of style, of beauty. All over the world she was a symbol of selfless humanity...*;

– заключение: *I would like to end by thanking God for the small mercies he has shown us at this dreadful time. For taking Diana at her most beautiful and radiant and when she had joy in her private life* (в заключении Чарльз Спенсер благодарит Бога за его милосердие, за то, что он забрал Диану, когда та была в расцвете своей красоты и счастлива в личной жизни).

Таким образом, мы наблюдаем наличие структуры в тексте: сверхфразовых единиц, интегрированных в единое целое общим содержанием, которое реализуется путем взаимодействия с присутствующими людьми. Место и обстоятельства передачи текста (смерть человека, кладбище или церковь) также определяют цельность текста.

Связность (когезия) обусловлена линейностью компонентов текста. Связность может быть внутренней (смысловой, логической) и внешней.

Различные ученые, в зависимости от подхода к изучению текста (лингвистический или психолингвистический), с различных позиций рассматривают термин *когезия*, который был введен М.А.К. Хэллидеем: «Когезия – это набор значимых отношений, который является общим для всех текстов, который различает текст от “не-текста” и который служит средством обнаружения взаимозависимости содержания отдельных отрезков. Когезия не выявляет, что сообщает текст, она выявляет, как текст организован в семантическое целое» [5, с. 8].

М. Хэллидей и Р. Хасан выделяют пять средств когезии: 1) референцию, 2) субституцию, 3) эллипсис, 4) конъюнкцию (соединение) и 5) лексическую когезию, хотя сами авторы указывают, что между данными категориями нет незыблемых границ. Все категории когезии – это явления структурно-грамматической и лексической связи. Пять упомянутых средств когезии базируются на двух типах отношений – тождестве обозначаемых предметов и явлений или их соединении [7, с. 140].

В текстах надгробных речей обнаруживаются упомянутые структурно-грамматические и лексические средства связи.

1. Референция – замена в связном отрезке текста наименования, свойства или действия определенными детерминантами, в число которых входят местоимения (личные, притяжательные, указательные), слова с количественным или качественным значением и артикль *the*: *Today we say goodbye to the youngest child of Rose and Joseph Kennedy. The world will long remember their son Edward as the heir to a weighty legacy; a champion for those who had none; the soul of the Democratic Party; and the lion of the U.S. Senate – a man whose name graces nearly one thousand laws, and who penned more than three hundred himself.*

But those of us who loved him, and ache with his passing, know Ted Kennedy by the other titles he held: Father. Brother. Husband. Uncle Teddy, or as he was often known to his younger nieces and nephews, “The Grand Fromage”, or “The Big Cheese”.

Мы видим, что в небольшом высказывании Эдвард Кеннеди сначала называется младшим сыном Розы и Джозефа Кеннеди, затем именуется по имени («их сын Эдвард»), затем «ду-

шой Демократической партии», «самым знаменитым сенатором», далее – человеком, чье имя украшает около тысячи законов и кто сам составил более трехсот. В следующем абзаце Эдвард Кеннеди назван уменьшительным именем Тед, а следом перечислены его социальные статусы: отец, брат, муж. Завершают высказывание неформальные имена и прозвища – Дядя Тедди и «Большой Сыр».

2. Субституция – замена целых групп слов или предложений: *And that's how Ted Kennedy became the greatest legislator of our time. He did it by hewing to principle, but also by seeking compromise and common cause, not through deal-making and horse-trading alone, but through friendship, and kindness, and humor.* В данном примере местоимение *it* заменяет группу слов *became the greatest legislator of our time*.

3. Эллипсис – опущение, пропуск элемента высказывания, который легко может быть восстановлен в данном речевом или ситуативном контексте: *Your joy for life transmitted where ever you took your smile and the sparkle in those unforgettable eyes. Your boundless energy which you could barely contain* (здесь отсутствует сказуемое, которое легко восстанавливается на основе предыдущего предложения). *I would like to end by thanking God for the small mercies he has shown us at this dreadful time. For taking Diana at her most beautiful and radiant and when she had joy in her private life.* В данном примере мы видим опущение части первого предложения *I would like to end by thanking God*. Второе предложение является пояснением к первому, т.к. объясняет, что Чарльз Спенсер имел в виду под *small mercies*.

4. Конъюнкция – соединение: *Above all we give thanks for the life of a woman I am so proud to be able to call my sister, the unique, the complex, the extraordinary and irreplaceable Diana whose beauty, both internal and external, will never be extinguished from our minds...*

Diana explained to me once that it was her innermost feelings of suffering that made it possible for her to connect with her constituency of the rejected.

And here we come to another truth about her.

В данном отрывке Чарльз Спенсер перечисляет те выдающиеся качества принцессы Дианы, которые заставляют его гордиться тем, что она была его сестрой: «Я горжусь тем, что имею право называть себя ее братом. Ни на кого не похожая, сложная, необычайная и незаменимая Диана, чья красота – внутренняя и внешняя – навсегда останется в нашей памяти. А эти качества дают возможность упомя-

нуть еще одно важное обстоятельство» (*another truth about her*).

5. Лексическая когезия – связность текста, которая достигается при помощи повторов лексических единиц и их чередования в разных формах, за счет слов и словосочетаний, входящих в одну тематическую сферу, а также путем развертывания синонимических и других видов отношений: *When a photographer asked the newly elected Bobby to step back at a press conference because he was casting a shadow on his younger brother, Teddy quipped, "It'll be the same in Washington".*

This spirit of resilience and good humor would see Ted Kennedy through more pain and tragedy than most of us will ever know.

He narrowly survived a plane crash, watched two children struggle with cancer, buried three nephews, and experienced personal failings and setbacks in the most public way possible.

It is a string of events that would have broken a lesser man.

В приведенном выше примере слова Эдварда Кеннеди о том, что он и в Белом доме останется в тени своего старшего брата Роберта, министра юстиции, в дальнейшем изложении замещены обобщающим словосочетанием *this spirit of resilience and good humor*. В следующем предложении сначала использованы слова с широким значением (*pain and tragedy*), которые в дальнейшем замещаются более конкретными: *a plane crash, cancer, buried three nephews, personal failings, setback*. Далее опять следует обобщение: *it is a string of events*. Таким образом, лексическая когезия связала три абзаца.

Целостность текста обеспечивается категориями информативности, интегративности, завершенности, хронотопа (текстового времени и текстового пространства), категориями образа автора и персонажа, модальности, эмоциональности и экспрессивности.

Надгробная речь характеризуется высокой информативностью, т.к., по сути, представляет собой краткое изложение жизненного пути покойного, перечисление основных пунктов биографии, качеств личности и достижений.

В своей надгробной речи Маргарет Тэтчер дает оценку Рональду Рейгану сначала как другу (*We have lost a great president, a great American, and a great man. And I have lost a dear friend... Ronnie himself certainly believed that he had been given back his life for a purpose*), затем как политику (*...he inspired America and its allies with renewed faith in their mission of freedom... he transformed a stagnant economy into an*

engine of opportunity... he won the Cold War), а также подробно описывает его действия, связанные с непростыми отношениями с СССР (he **warned** that the Soviet Union had an insatiable drive for military power and territorial expansion... he **did not shrink** from denouncing Moscow's 'evil empire'... So the President **resisted** Soviet expansion and **pressed down** on Soviet weakness at every point). Помимо описания тяжелой политической ситуации, в которой пришлось работать Рональду Рейгану, Маргарет Тэтчер коснулась также его карьеры в Голливуде: As **an actor in Hollywood's golden age**, he helped to make the American dream live for millions all over the globe. His own life was a fulfillment of that dream) и семейной жизни (The great turning point of his life was **his meeting and marriage with Nancy**... On that we have the plain testimony of a loving and grateful husband: "Nancy came along and saved my soul).

Речь Маргарет Тэтчер содержит ряд цитат, в том числе принадлежащих самому покойному президенту: *Whatever time I've got left now belongs to the Big Fella Upstairs* («Время, которое мне еще отведено жить, принадлежит "Главному Наверху"»). *Big Fella Upstairs* – разговорный эвфемизм, обозначающий «бог».

Надгробные речи, произносимые известными людьми, особенно политиками, нередко становятся образцами публицистической речи. Они не привязаны к месту и времени похорон, не ограничены временем и могут быть показателями уровня владения ораторским искусством. Примером может послужить речь Уинстона Черчилля на смерть Франклина Рузвельта, с которой он выступил на парламентских дебатах. В своей речи Черчилль поведал о развитии своих отношений с покойным, описывая при этом политическую обстановку в мире:

My friendship with the great man to whose work and fame we pay our tribute today began and ripened during this war. I had met him, but only for a few minutes, after the close of the last war and as soon as I went to the Admiralty in September, 1939, he telegraphed, inviting me to correspond with him direct on naval or other matters if at any time I felt inclined...

When I became Prime Minister, and the war broke out in all its hideous fury, when our own life and survival hung in the balance, I was already in a position to telegraph to the President on terms of an association which had become most intimate and, to me, most agreeable. This continued through all the

ups and downs of the world struggle until Thursday last, when I received my last messages from him.

Далее У. Черчилль дает яркую характеристику Ф. Рузвельту как лидеру страны: *I conceived an admiration for him as a statesman, a man of affairs, and a war leader. I felt the utmost confidence in his upright, inspiring character and outlook.... His love of his own country, his respect for its constitution, his power of gauging the tides and currents of its mobile public opinion, were always evident, but, added to these, were the beatings of that generous heart which was always stirred to anger and to action by spectacles of aggression and oppression by the strong against the weak.*

Для большей выразительности У. Черчилль умело использует фонетическое подобие и ритмизацию: *to anger and to action, aggression and oppression.*

Таким образом, Ф. Рузвельт представляется военным лидером, волевым и решительным, любящим страну и уважающим конституцию, не терпящим угнетения слабых сильными. Далее У. Черчилль возобновляет описание сложной политической ситуации в мире, вспоминая союз Италии, Германии и Японии, направленный против США: *When next we met in Washington Japan, Germany and Italy had declared war upon the United States and both our countries were in arms, shoulder to shoulder.*

В речи также упомянуты первые признаки болезни, замеченные Черчиллем у американского президента и представленные им в смягченной форме. Среди них утрата здорового цвета лица (прозрачность кожи), отстраненный взгляд: *But at Yalta I noticed that the President was ailing. His captivating smile, his gay and charming manner, had not deserted him but his face had a transparency, an air of purification, and often there was a faraway look in his eyes.*

Надгробная речь заканчивается словами прощания, произнесенными от лица всей английской нации, где Рузвельт именуется самым великим американским другом и борцом за свободу, принесшим помощь и утешение из Нового Света в Старый: *For us, it remains only to say that in Franklin Roosevelt there died the greatest American friend we have ever known and the greatest champion of freedom who has ever brought help and comfort from the new world to the old.* Таким образом, логическим завершением для надгробной речи являются прощальные слова, которые ставят в ней точку.

Связность текста дополняется категориями ретроспекции / проспекции и членности. В надгробной речи, как и во всех текстах танатологического дискурса, присутствует только категория ретроспекции, т.к. в речи приводится краткая биография умершего человека, люди делятся с присутствующими своими воспоминаниями о покойном, все сказанное об умершем выражается прошедшим временем.

Все вышеперечисленные категории получают в исследуемом жанре свои конкретные формы реализации. Таким образом, мы считаем, что надгробная речь имеет все необходимые признаки письменного текста, а именно целостность и связность, дополненные категориями информативности и ретроспекции.

Литература

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. : Наука, 1981.
2. Извекова М.Г. Прагмалингвистические характеристики ритуального дискурса : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис, 2004.
4. Кибрик А.А. Модус, жанры и другие параметры классификации дискурса // Вопр. языкознания. 2009. № 2. С. 3–21.
5. Хлебникова И.Б. К проблеме средств связи между предложениями в тексте (на материале английского языка) // Иностран. яз. в школе. 1983. № 1. С. 6–11.
6. Штерн А.С. Восприятие текста // Л.Н. Мурзин, А.С. Штерн. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991.
7. Halliday M.A.K., Hasan R. Cohesion in English. L., 1976.
8. Swales J M. Genre Analysis: English in academic and research settings (The Cambridge applied linguistics series). Cambridge University Press, 1990.

* * *

1. Galperin I.R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya. M. : Nauka, 1981.

2. Izvekova M.G. Pragmalingvisticheskie harakteristiki ritualnogo diskursa : dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2006.

3. Karasik V.I. Yazykovoy krug: lichnost, kontseptyi, diskurs. M. : Gnozis, 2004.

4. Kibrik A.A. Modus, zhanry i drugie parametry klassifikatsii diskursa // Voпр. yazykoznaniiya. 2009. # 2. S. 3–21.

5. Hlebnikova I.B. K probleme sredstv svyazi mezhdru predlozheniyami v tekste (na materiale angliyskogo yazyika) // Inostr. yaz. v shkole. 1983. № 1. S. 6–11

6. Shtern A.S. Vospriyatie teksta // L.N. Murzin, A.S. Shtern. Tekst i ego vospriyatie. Sverdlovsk, 1991.

7. Halliday M.A.K., Hasan R. Cohesion in English. L., 1976.

8. Swales J M. Genre Analysis: English in academic and research settings (The Cambridge applied linguistics series). Cambridge University Press, 1990.

Tribute of memory as a speech genre: linguopragmatic aspect

As a genre of thanatological discourse, which is a component of the ritual discourse, there are characterized the funeral orations. Based on the mourning orations for the death of English and American statesmen there are thoroughly considered the structural and pragmatic signs of the genre.

Key words: *funeral oration, ritual discourse, thanatological discourse, text.*

(Статья поступила в редакцию 21.03.2014)

